

М. Я. ВАЙСКОПФ

Писатель Сталин: новые перспективы

<...> Мне кажется, все еще недостаточно учитывается то воистину колоссальное воздействие, которое оказывала православная традиция как на самого Сталина, так и на всю его эпоху, на весь облик большевистской партии и даже на практику государственного строительства.

Поразительно, в частности, отчетливое совпадение последовательности ряда статей действовавшего при Сталине Уголовного кодекса с расположением и стилем всевозможных запретов и кар, изложенных во Второзаконии. Скорее всего, впрочем, советский УК продолжает предыдущую юридическую традицию (целесообразно было бы сопоставить его со Сводом законов Российской империи), но примечательно, что само движение УК от государственных и близких им преступлений (гл. 1–4) к преступлениям хозяйственным и имущественным либо направленным против «жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» достаточно точно соответствует библейской композиции. Сюда относятся и такие частности, как запрет на мужеложество (ст. № 154а), который совпадает с библейской формулировкой, категорически запрещающей то же деяние. Или, к примеру, ст. 58 п. 11, и 12 ст. 59 п. 13 (кара за недонесение по поводу контрреволюционных деяний) совпадают по смыслу с таким библейским стихом: «Если кто согрешит тем, что слышал голос проклятия и был свидетелем, или видел, или знал, но не объявил, то он понесет на себе грех...» (Лев. 5: 1).

Даже излюбленный сталинский термин «уклоны» (правый и левый) непосредственно заимствован из Библии. Вот несколько примеров:

«...не уклоняйся ни направо, ни налево от того, что они скажут» (Втор. 17: 11).

«...не уклоняйся от него [Закона Моисеева. — М. В.] ни направо, ни налево» (Иис. Нав. 23: 6).

«...ни направо, ни налево нельзя уклониться от того, что сказал господин мой царь...» (2 Цар. 14: 19).

Мне уже приходилось писать о магической функции псевдонимов, которые подбирал для себя Сталин, всякий раз в той или иной мере отождествляя себя с семантикой и традицией, стоявшими за данным обозначением. Примечательно среди прочего здесь имя Давид, которое Сталин избрал в качестве первого псевдонима еще в юношеские годы.

Ориентация на образ библейского царя была у Сталина настолько значимой, что он достиг выдающихся успехов в искусстве метания камней из пращи. В этом контексте особенно выразительным выглядит его последующее, весьма почтительное сравнение Ленина с Голиафом, т. е. с противником, сокрушенным Давидом. Но, мне кажется, дополнительное внимание следовало бы обратить (в свете всей сталинской биографии) на те стороны деятельности ветхозаветного Давида, которые обычно затушевываются или вытесняются религиозным сознанием и которые, по всей вероятности, оказались наиболее релевантны для Сталина. Очевидно, царь Саул не зря считал своего молодого соперника человеком коварным и «очень хитрым». Что ж, впору напомнить о некоторых, вполне «сталинских», повадках этого персонажа.

Его характерная особенность — умение убирать соперников чужими руками, а потом в приступе благородного негодования казнить убийц, тем самым очищаясь от ответственности за преступления. Так происходит, например, с убийцей царя Саула, «отроком-амалекитянином»: «Тогда Давид сказал ему: как не побоялся ты поднять руку, чтобы убить помазанника Господня? И призвал Давид одного из отроков и сказал ему: подойди, убей его. И тот убил его, и он умер. И сказал к нему Давид: кровь твоя на голове твоей; ибо твои уста свидетельствовали на тебя, когда ты говорил: „я убил помазанника Господня“» (2 Цар. 1: 14–16). Когда Иоав, военачальник Давида, убивает Авенира,

полководца из дома Саула, то Давид немедленно отрекается: «...невинен я и царство мое вовек пред Господом в крови Авенира, сына Нирова. Пусть падет она на голову Йоаваи весь дом отца его... <... > Когда погребали Авенира в Хевроне, то царь громко плакал над гробом Авенира; плакал и весь народ. <... > ...И узнал весь народ и весь Израиль в тот день, что не от царя произошло умерщвление Авенира, сына Нирова» (2 Цар. 3: 28–29; 32; 37). Между тем это убийство имело решающее значение в борьбе Давида с его соперником Иевосфеем, преемником Саула. Однако Давид разыграл сцену негодования, но, как позднее Сталин, предусмотрительно отодвинул кару в далекое будущее, пояснив: «Я теперь еще слаб, хотя и помазан на царство, а эти люди, сыновья Саруи, сильнее меня; пусть же воздаст Господь делающему злое по злобе его!» (2 Цар. 3: 39).

Точно так же вел себя Давид во всех прочих ситуациях, когда Иоав и прочие союзники царя убивали его конкурентов и претендентов на престол, начиная с самого Авессалома. Уместно напомнить и об истории Урии-хетиянина, относительно которого Давид распорядился Йоаву следующим образом: «В письме он написал так: поставьте Урию там, где будет самое сильное сражение, и отступите от него, чтоб он был поражен и умер» (2 Цар. 11: 15). Но в итоге за это и множество других, как бы мы сказали сегодня, заказных убийств Давид расплатился с Иоавом по-своему — приказал его казнить за чрезмерное кровопролитие. Как видим, подобная тактика действительно предвосхищала несметное множество сталинских акций, включая убийство Кирова, террор 1937 г., расстрелы Ягоды, Ежова и т. п. Наконец, для полноты картины стоит привести, пожалуй, историю с Семеем, который, как известно, всячески проклинал и поносил Давида, когда тот спасался бегством от восставшего Авессалома. Демонстрируя кротость, Давид тогда запретил убивать своего хулителя, а несколько позже даже поклялся ему в том, что тот «не умрет». Однако перед смертью Давид следующим образом проинструктировал своего наследника Соломона относительно судьбы как Йоава, так и Семея: «...ты знаешь, что сделал мне Иоав, сын Саруин, как поступил он с двумя вождями войска Израильского, с Авениром, сыном Нировым, и Амессаем, сыном Иеферовым, как он умертвил их... <... > Поступи по мудрости твоей, чтобы не отпустить седины его мирно в пре-

исподнюю» (3 Цар. 2: 5–6). «Вот еще у тебя Семей... <...> ...он злословил меня тяжким злословием, когда я шел в Маханаим; но он вышел навстречу мне у Иордана, и я поклялся ему Господом, говоря: „я не умерщвляю тебя мечом“. Ты же не оставь его безнаказанным; ибо ты человек мудрый и знаешь, что тебе сделать с ним, чтобы низвести седину его в крови в преисподнюю» (3 Цар. 2, 8–10). Конечно, это не совсем тот царь Давид «со всей кротостью его», который так памятен нам по общецерковной, а Сталину и по семинарской традиции. Не приходится сомневаться, что у вождя было немало оснований для самоотождествления с ним.

Мы все еще крайне слабо учитываем и магические привязки Сталина, сопряженные с маркированными хронологическими срезами. Примечательно среди прочего, что именно с нового года он начал выпускать собственное собрание сочинений и свою знаменитую биографию, а пресловутое первоапрельское снижение цен в его семинаристском сознании явно ассоциировалось с Пасхой. Наконец, такая любопытная подробность. Свои карательные акции против евреев (имеется в виду убийство Михоэлса, официальное сообщение о «деле врачей» и пр.) Сталин не раз приурочивал к 13 января — видимо, просто потому, что эта дата связывалась в его стариковском сознании со «старым Новым годом».

Возможно, сходные импульсы задают тон и той неприкрытой ностальгии по сталинизму, которая окрасила публицистику многих эмигрантских исследователей и литераторов. Я говорю о таких людях, как А. Зиновьев, В. Максимов, А. Синявский, и некоторых других. Один из этих почтенных писателей не так давно упрекнул меня в том, что в своей книге я совершенно не учитываю возвышенных философских наклонностей Сталина, который, видимо, вдохновлялся Фихте и создал дивное философское государство, хотя и ценой бесчисленных жертв (у Гитлера, замечает мой оппонент, на такое кровопускание просто не хватило смелости и философских дарований). Согласно тому же критику, Сталин, оказывается, сумел претворить «гезельшафт» в «гемайншафт», а может, и наоборот, точно не помню. Не уверен, впрочем, что и сам философический генсек сумел бы различить данные понятия, поскольку имел весьма туманные представления о немецком языке. Правда, о философии, судя

хотя бы по 4-й главе Краткого курса, он знал и того меньше. А уж что означает слово «Фихте», скорее всего, вообще не догадывался: об этом считаю себя вправе судить как человек, не единожды проштудировавший все сочинения Сталина. Совсем иное дело Писание и богослужебные тексты, в которых он прекрасно ориентировался.

Курьезные домыслы, безудержно и беззастенчиво возвеличивающие Сталина, объясняются прежде всего стрессовой ситуацией, в которой оказалась империя, и горестною тоской по ее былому величию. Слишком много людей (на сей раз я говорю не только о пенсионерах) все еще с умилением вспоминают о Советском Союзе. Отсюда, впрочем, явствует, как слабо укоренились самые элементарные моральные ценности в сознании даже тех подданных СССР, которые долгие годы прожили за его пределами в условиях куда более цивилизованных. В противовес хотелось бы привести примеры иного — твердого — нравственного сознания, представленного хотя бы В. Набоковым. Нисколько не прельстившись успехами Красной армии в годы Второй мировой войны, он (при всей ненависти к нацизму) назвал ее главнокомандующего товарища Сталина, как и прочих советских вождей, «холодной поганью».

Кроме того, нынешняя ностальгия по сталинизму — это ностальгия по величию, сплошь и рядом чисто иллюзорному, ибо поистине уникальное свойство сталинского режима состоит в его самозабвенной, бесконечной, неустанной лживости. Здесь нет почти никакой аналогии даже с нацистской Германией, где, как известно, был объявлен трехдневный траур по поводу сталинградского поражения. В то самое время в сталинском СССР людей сажали и расстреливали за «распространение клеветнических слухов о будто бы имеющих место продовольственных затруднениях в Ленинграде». В немалой степени трагический разгром советских войск в 1941 г. объяснялся чисто психологическими факторами — шоком, вызванным перепадом между кремлевской пропагандой и действительным положением вещей: немецкая армия выглядела иначе, чем ее изображали ПУР и агитпроп.

Можно, разумеется, и здесь подыскать философские резоны. Наиболее заманчивым из них выглядит, вероятно, ссылка на платонизм. Я в самом деле считаю, что сталинское государ-

ство несло в себе многое от платонического заряда, усвоенного при посредстве православно-богословской традиции. Наряду с реальным, страшным и убогим СССР в небесах парил его ослепительный метафизический двойник — тот, что был изображен в сталинской конституции, а равно в фильме «Кубанские казаки» и в прочих шедеврах социалистического реализма. Существенной приметой этого соцреализма, помимо его платоновских аспектов, представляется, впрочем, традиционная имперская футурология, закрепившаяся в России в эпоху Николая I. Именно тогда, в те романтические годы, литература повадилась переносить на современную Россию «приметы ее будущего», которые прозревали отечественные поэты и провидцы. В этом смысле поэтика «официальной народности» была, несомненно, важнейшим резервом досталинского социалистического мифотворчества.

В. М. МОЛОТОВ

Храм Христа

«Из книги Ф. И. Чуева «140 бесед с Молотовым»»

— Когда осуществляли план реконструкции Москвы, то снесли много исторических памятников...

— Например? — спрашивает Молотов.

— Храм Христа Спасителя.

— А... Храм Христа Спасителя.

— Теперь этот вопрос часто задают.

— Верно?

— Говорят, Каганович организовал?

— На него валят? Да (с улыбкой)? Это уж чересчур. Я не помню, то ли я был председателем, то ли членом этой комиссии, членом-то наверняка был. Приняли решение храм Христа Спасителя заменить Дворцом Советов. За это я проголосовал, но, когда проект показал архитектор Иофан — он не знаменитый архитектор, но как-то оказался наверху и дал проект такого колоссального здания, — тут я высказался против. Я сказал: «Я не подпишу». Начали уговаривать. Сталин сказал: «Надо подписать». Я знал, что сама эта мысль чепуховая. Познакомился с некоторыми замечаниями. Были разговоры, и мне стало ясно,